
Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Сочиненіе *Михаила Погодина*. Москва, 1873. 4^о.

Почтенный нашъ ученый испытывалъ большія тревоги и колебанія, и тогда, когда рѣшался печатать эту книгу, и тогда, когда уже держалъ ея корректуру, и наконецъ даже въ то время, когда книга была вполнѣ напечатана. Поэтому вслѣдъ за текстомъ книги онъ напечаталъ *Дополненія и замѣчанія* (стр. 337), за этими дополненіями *Послѣсловіе*, за послѣсловіемъ еще 90 страницъ, и тогда только выпустилъ книгу въ свѣтъ.

Такія необыкновенныя обстоятельства конечно зависѣли отъ содержанія и характера самой книги; мы расскажемъ все дѣло словами автора.

«Давно», говоритъ онъ, «началъ я записывать въ особой тетради мысли и выраженія о духовныхъ предметахъ, приходившія мнѣ на умъ, — особенные случаи, встрѣчавшіеся со мною самимъ въ продолженіи жизни, и слышанные отъ другихъ, на кои имѣются строго-критическія доказательства. *Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ* зародилось во мнѣ желаніе огласить ихъ простою рѣчью, внѣ всякихъ школьныхъ правилъ, справокъ и предубѣжденій, какъ представлялись мнѣ эти вопросы среди чтеній, размышленій, наблюденій, опытовъ, или созрѣли внутренно, безъ непосредственнаго моего въ томъ участія» (стр. 3).

Нѣсколько разъ въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ авторъ принимался за исполненіе своей мысли, но, по его выраженію, «не находилъ силы справиться съ задачей». Наконецъ года три тому назадъ онъ остановился на слѣдующемъ намѣреніи:

«Пересматривая ее (*тетрадь*) тогда», говоритъ онъ, «я подумалъ, не лучше ли передать ее, *какъ она есть*, собрать написанныя начала или приступы, и всѣ разсѣянные замѣтки и отрывки, указать нѣкоторые вопросы и недоумѣнія, коими для мыслящихъ могутъ быть замѣнены

иная положенія, приведя все только въ нѣкоторый наружный порядокъ по предметамъ, не заботясь ни о какой системѣ, ни о какой полнотѣ" (стр. 4).

Такъ и сдѣлано было; въ этомъ видѣ и является теперь передъ нами главная часть книги, именно первыя 337 страницъ. Но въ то время, когда въ типографіи набирались эти страницы, авторъ счелъ нужнымъ поступить слѣдующимъ образомъ:

«Предложенные мысли и случаи», рассказываетъ онъ, «я посылалъ въ корректурныхъ листахъ *ко многимъ своимъ знакомымъ, ученымъ и неученымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, богословамъ, философамъ, естествоиспытателямъ...* Нѣкоторыми ихъ замѣчаніями я успѣлъ воспользоваться. Прочія, начиная съ частныхъ, передаю здѣсь со своими по мѣстамъ отвѣтами" (стр. 351).

За этими словами дѣйствительно слѣдуетъ рядъ поправокъ и возраженій на то, что напечатано на предъидущихъ страницахъ. Но затѣмъ авторъ почувствовалъ, что общій характеръ его книги гораздо болѣе, чѣмъ отдѣльныя ея мѣста, возбуждаетъ возраженій и требуетъ поясненій, и потому написалъ пространное *Послѣсловіе* (стр. 364 — 382), въ которомъ старается опровергнуть замѣчанія, направленныя его знакомыми противъ его книги, взятой въ цѣломъ.

Но этимъ еще не кончилось.

«Въ приложеніяхъ», пишетъ авторъ, «я намѣренъ былъ сначала помѣстить разборъ, написанный мною, системы Дарвиновой, которая сводитъ съ ума часть нашей интеллигентной (? — *знакъ поставленъ авторомъ*) толпы, но получилъ отъ одного почтеннаго естествоиспытателя, которому отдавалъ его на разсмотрѣніе, возраженія, *требующія отъ меня отвѣта*. Не имѣя ни времени, ни расположенія написать его теперь, я отлагаю печатаніе моего разбора вмѣстѣ съ возраженіями и объясненіями до другаго изданія" (стр. 382).

Такъ говорилъ авторъ въ концѣ *послѣсловія*; но потомъ онъ измѣнилъ рѣшеніе, и вотъ какъ объясняетъ эту переменъ, обращая свою рѣчь къ естествоиспытателю:

«Изъ уваженія къ вашему мнѣнію я хотѣлъ было отложить печатаніе своего разбора до втораго изданія книги, чтобы печатая его

безъ возраженій, *не присвоивать себѣ лишняго довѣрія отъ читателей*; но нечаянная задержка въ типографіи доставила мнѣ досугъ и, слѣдовательно, возможность соблюсти безпристрастіе и вмѣстѣ оборонить свое воззрѣніе, то есть напечатать вмѣстѣ — разборъ, ваше опроверженіе и свою оборону" (стр. 448).

Эти три вещи, т. е. разборъ Дарвиновой теоріи, письмо естествоиспытателя и отвѣтное письмо автора, и напечатаны вслѣдъ за послѣсловіемъ. Авторъ однако же прибавилъ еще пять небольшихъ замѣтокъ различнаго содержанія, которыми и оканчивается книга.

Вся эта исторія по нашему мнѣнію очень поучительна. Она свидѣтельствуетъ во первыхъ о явномъ недовѣрії автора къ своему произведенію, о томъ, что его тревожило сомнѣніе въ пользѣ и состоятельности книги. Во вторыхъ она несомнѣнно свидѣтельствуетъ и о совершенной его добросовѣстности, о простосердечномъ желаніи принести пользу и послужить истинѣ. Знакомые автору богословы, философы и естествоиспытатели исполнили свой долгъ очевидно съ такимъ же добрымъ усердіемъ. Видно, что они внимательно читали книгу и не покривили душой. Отзывы ихъ не рѣдко очень рѣзки и горячи, и большею частію совершенно дѣльны. Печатая ихъ, авторъ можно сказать напечаталъ полную критику на свою книгу; отъ нѣкоторыхъ онъ пытается оборониться, но другіе самъ находитъ справедливыми, или же опровергаетъ очень слабо.

Въ числѣ совѣтовъ поданныхъ автору знакомыми учеными, иные прямо совпали съ сомнѣніемъ, которое его мучило; они содержатъ въ себѣ предложеніе отказаться отъ печатанія книги. Естествоиспытатель въ своемъ письмѣ заявляетъ, что ему «прискорбно видѣть рѣшеніе (автора) напечатать замѣтки о Дарвинѣ" (стр. 436), и распространяется на эту тему съ большимъ жаромъ; въ его поводахъ впрочемъ мало справедливаго. Другой знакомый сдѣлалъ болѣе основательное замѣчаніе:

«Выписки», говоритъ онъ, «относящіяся до случаевъ въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательныхъ, *не будучи освѣщены руководительнымъ объясненіемъ, направлены къ опредѣленнымъ положительнымъ цѣлямъ*, могутъ давать пищу суевѣрію" (стр. 379).

Всего важнѣе мы находимъ замѣчаніе того, кого авторъ называетъ *однимъ изъ своихъ благопріятелей*.

«Особенно мнѣ кажется», пишетъ онъ, «внимательно нужно просмотрѣть все что вы рассказываете о собственной жизни. Лучше здѣсь опустить все не такъ значительное, и все, что можетъ подавать поводъ къ какому-нибудь соблазну или глумленію. Къ откровенной общественной исповѣди у насъ мало привыкли, и исповѣдь въ автобіографіи живаго человѣка принимается совсѣмъ иначе, чѣмъ исповѣдь, напримѣръ, въ посмертныхъ запискахъ. На людей серьезныхъ и искреннихъ ваши признанія конечно подѣйствуютъ назидательно, но на большинство читателей какъ бы онѣ не произвели другаго впечатлѣнія! Нельзя не принять во вниманіе того, что у васъ есть не мало литературныхъ и общественныхъ неблагопріятелей, а еще болѣе у насъ есть людей, готовыхъ поглумиться при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя бы надъ самымъ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ и самымъ добрымъ движеніемъ сердца. *Не нужно конечно смущаться людскими толками и глумленіями, но нужно и съ своей стороны предотвращать все, что можетъ подать поводъ къ соблазну, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самыхъ глубокихъ основахъ и самыхъ высокихъ чаяніяхъ жизни*».

«Случаи и наблюденія надъ собою», пишетъ другой рецензентъ, «могутъ подать поводъ къ великимъ глумленіямъ со стороны фельетонныхъ борзописцевъ и тому подобной братіи, а это было бы крайне прискорбно и больно для всѣхъ друзей вашихъ и для всѣхъ людей, уважающихъ вашу личность, для всѣхъ друзей всякаго честнаго дѣла, для cadaго, кто дорожитъ интересами религіозными, общественными, народными" (стр. 379, 380).

Въ отвѣтъ на эти предостереженія авторъ говоритъ, что онъ «сдѣлалъ нѣсколько исключеній въ этомъ отдѣленіи книжки" и что «будущія глумленія его нисколько не смущаютъ, какъ не смущали прошедшія" (стр. 381). Но мы не нашли отвѣта на другую сторону предостереженій, именно на возможность соблазна.

Главный предметъ книги — вопросы религіозные; между тѣмъ одно изъ духовныхъ лицъ, читавшихъ книгу въ корректурѣ, говоритъ: «Что

касається розмішленій и замѣчаній о релігійозныхъ предметахъ, то въ нихъ еще много есть неточнаго, сбивчиваго, непослѣдовательнаго, даже невѣрнаго” (стр. 366). Другое духовное лицо замѣчаетъ: «Вообще вся рѣчь о папѣ и католичествѣ мало вяжется съ общимъ содержаніемъ и сама по себѣ неудовлетворительна” (стр. 372).

Авторъ книги не рѣшается противорѣчить этимъ строгимъ приговорамъ; онъ защищается только слѣдующими соображеніями: «Такъ”, говоритъ онъ, «Можетъ быть имѣетъ право сказать наука богословія, но въ моей книжкѣ излагаются мысли свѣтскаго человѣка, которыя представляются уму въ естественномъ его положеніи. Наукъ богословской онѣ могутъ служить примѣромъ возникновенія мыслей у мірянъ, — даже полезнымъ указаніемъ, что она должна имѣть въ виду для вразумленія *несвѣдущихъ*” и пр. (стр. 368).

И такъ почтенный авторъ вполне могъ видѣть, и конечно видѣлъ всѣ недостатки своей книги. Понятно однакоже, что ему трудно было отказаться отъ исполненія мысли такъ долго его занимавшей. Сознвая всѣ несовершенства своего произведенія, онъ однакоже не потерялъ всякой надежды и думалъ, что въ его книгѣ есть и достоинства, и что она можетъ быть полезна.

«Нужды нѣтъ”, пишетъ онъ, «что собраніе мое представитъ *какую-то смѣсь* съ недостатками всякаго рода, повтореніями, уклоненіями, вставками, отступленіями, съ одной стороны съ пробѣлами, съ другой съ представленіями одной и той же мысли въ разныхъ только видахъ и оборотахъ; нужды нѣтъ, что собраніе мое будетъ состоять изъ *разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, сшитыхъ на живую нитку. Дѣло не въ искусствѣ, не въ авторствѣ, не въ формѣ, а въ содержаніи: цѣль моя не строить, не предлагать системы, а произвести извѣстное впечатлѣніе, привлечь вниманіе, содѣйствовать душевному настроенію, возбудить большее уваженіе къ жизни, благоговѣніе передъ ея высокими задачами, удержатъ сколько-нибудь отъ дерзкаго умничанья и легкомысленнаго отрицанія нашу несчастную молодежь”*

(стр. 5).

Все это очень откровенно и имѣетъ свою долю привлекательности. Мы видимъ, какъ просто и естественно зародилась эта книга; мы

находимъ въ ней обыкновенную для М. П. Погодина, такъ сказать погодинскую живость и искренность; мало того — духъ книги возбуждаетъ въ насъ уваженіе. Это старинный и общій русскій духъ, существующій у насъ многіе вѣка. Предписанія его всѣмъ извѣстны: не заносись умомъ, — все кругомъ насъ непостижимо; и помни, что нашу жизнь таинственно руководитъ Провидѣніе. На эти темы и до сихъ поръ часто ведутся у насъ простодушные разговоры, часто рассказываются разные случаи изъ жизни своей и чужой. Книга М. П. Погодина есть ничто иное, какъ собраніе такихъ разговоровъ и рассказовъ, напечатанныхъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они ведутся въ тѣсномъ кругу, и составившихъ цѣлый томъ in quarto.

Но не даромъ же авторъ самъ чувствовалъ, что въ его книгѣ что-то не ладно, не даромъ онъ посылалъ корректурные листы къ знакомымъ, не даромъ знакомые огорчались и совѣтовали ему выпустить одинъ одно, другой другое. Дѣло въ томъ, что и авторъ и знакомые, къ которымъ онъ обращался, — люди ученые. А ученымъ людямъ бываетъ свойственна такъ называемая ученая добросовѣстность; они не любятъ говорить о томъ, чего не знаютъ, и не проповѣдываютъ того, чего хорошенько не понимаютъ. Автору очень хотѣлось поговорить о высокихъ предметахъ его книги, но онъ понималъ, что къ нему будутъ приложены читателями весьма строгія требованія, да и самъ не могъ не прилагать къ себѣ этихъ требованій. Вотъ откуда его колебанія.

Мы находимъ, что они особенно справедливы, если онъ имѣлъ въ виду нашу молодежь. Трудно думать, чтобы «*Простая рѣчь*» нашла себѣ въ молодежи много читателей, и едва-ли сбудется надежда автора удержать этой книгой кого-бы то ни было отъ умничанья и отрицанія. Можетъ ли сильно подѣйствовать книга, не имѣющая никакой связи, никакой руководящей мысли, не содержащая ничего опредѣленного, и въ добавокъ представляющая постоянную неточность и неясность въ понятіяхъ богословскихъ, философскихъ, естественно-научныхъ? Въ такой книгѣ могутъ найти себѣ пріятное или даже назидательное чтеніе только люди, которые заранѣе стоятъ на сторонѣ автора, которые отказались отъ большихъ умствованій и любятъ отъ времени до времени твердить: «какъ все премудро! какъ все непостижимо!»

Но молодежь не может питать такого настроенія. Она умствуешь, и слѣдовательно требуетъ строгихъ и ясныхъ умствованій. И едва-ли правъ почтенный авторъ, когда онъ считаетъ чѣмъ-то несущественнымъ въ своемъ дѣлѣ — систему, искусство, форму. Не слишкомъ ли мы вообще пренебрегаемъ этими вещами, и не довольно ли уже намъ пренебрегать ими? Не отъ этого ли пренебреженія зависитъ жалкое состояніе русской науки? Даровитыхъ людей у насъ много, и русскіе юноши, какъ свидѣтельствуешь Тургеневъ въ «Дымъ», обыкновенно удивляютъ нѣмецкихъ профессоровъ своими бойкими способностями. Но точно также удивляетъ потомъ профессоровъ и то, что изъ этой бойкости ничего не выходитъ. Въ числѣ нашихъ способныхъ людей встрѣчаются такіе, которые обильны идеями, и иногда даже идеями оригинальными и плодотворными; но обыкновенно эти идеи остаются у нихъ только въ зачаткахъ, никогда не бываютъ развиты, разработаны. Если кто изъ нашихъ способныхъ людей пишетъ, то къ этимъ писаніямъ вполнѣ прилагается злая замѣтка Грибоѣдова:

Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его *отрывокъ, взглядъ и нѣчто*;
Объ чемъ бишь *нѣчто*? Обо *всемъ*!
Все знаетъ! и пр.

Эта странная зыбкость русскихъ умовъ, ихъ нерасположеніе къ серьезной и долгой остановкѣ на одной мысли, на одной работѣ, есть очень печальное явленіе нашей умственной жизни. Наши труженики бездарны, наши умники лѣнны — таково общее правило. Поэтому, намъ кажется, у насъ слѣдуетъ всячески проповѣдывать строгій трудъ, систематичность въ мысляхъ, отчетливость въ формѣ изложенія.

Н. Страховъ.